DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-5-1-01>

УДК 801.82

ВЕРБАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПАТРИОТИЗМА И.А. БУНИНА В ЕГО ДНЕВНИКОВЫХ ТЕКСТАХ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Среди основных ценностей, имеющих статус сакральных для этносоциума, обычно фигурирует патриотизм. Однако, подобно другим фундаментальным морально-нравственным категориям, он может принимать существенно вариативные конкретные воплощения под влиянием тех или иных идеологических концепций и политических установок. Вследствие этого нередко возможна – в свете доминирующих в государстве аксиологических ориентиров – квалификация чьих-либо взглядов как патриотичных либо, напротив, антипатриотичных.

Характерным примером подобных оценок являются исторически недавние инвективы по адресу некоторых суждений великого русского писателя И.А. Бунина, откровенно враждебно встретившего и Октябрьскую революцию, и советскую власть, а потому якобы и не бывшего патриотом.

Цель статьи – объективная идентификация подлинной позиции И.А. Бунина по вопросам его отношения к Отечеству.

Для этого автор, учитывая известные публикации по указанной проблематике, уделяет преимущественное внимание в основном дневниковым текстам самого писателя периода Второй мировой войны. Контент-анализ фактического материала можно считать исчерпывающим.

В результате удастся прийти к обоснованным выводам о несомненном и многообразно выраженном И.А. Буниным чувстве его любви к Родине.

Подлинный патриотизм писателя был приложим все же к России не советской, память о которой он бережно хранил.

Ключевые слова: аксиологические ориентиры, фундаментальные ценности, патриотизм, И.А. Бунин, Вторая мировая война, дневниковые тексты.

*Ты видишь – я красы твоей не позабыл
И, сердцем чист, твой мир благословляю...
Обетованному отеческому краю
Я приношу остаток гордых сил.*

И.А. Бунин, 1890 г.

У любого этносоциума присутствует своя система ценностей. В каждом конкретном случае наборы аксиологических ориентиров могут быть чрезвычайно вариативны – вплоть до полной противопоставленности. Впрочем, это, как правило, не исключает наличия некоторых общепринятых установок, разделяемых представителями самых разных макрогрупп, у которых, конечно же, и они способны реализоваться в различных модификациях, при этом мани-

фестируя в том или ином словесном обличе вербальные экспликации изначальной семиотической оппозиции *сакральный / профанный (свой / чужой* и т.п.).

Среди таких фундаментальных ценностей, принимаемых, наверное, многими этносами в качестве сакральных (хотя и здесь имеются очевидные исключения), можно отметить патриотизм. Эта социально-нравственная категория, по видимому, уходит своими корнями в глубины истории человечества и возникла первоначально из естественного ощущения необходимости самообороны коллектива, что впоследствии получило дополнительную аргументацию – вроде религиозных вероучений – и обростало широкой разветвленной системой символов как исконно духовного (герб, флаг, гимн, ритуалы и проч.), так и вполне материального свойства (маркированность пространственных пределов государства, установление режима пограничной охраны и т.д.).

Надо сказать, что массовое патриотическое чувство может быть видоизменено и даже глубинно трансформировано в результате единичных или совокупных внешних воздействий. Если изначально, как считал еще А.С. Пушкин, национальная ментальность складывается под воздействием ряда факторов («климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию» [Пушкин, 1978, с. 28]), то она может быть перестроена вследствие мощных информационно-психологических атак, производимых, как правило, в преддверии, в продолжение и для окончательной фиксации итогов широкомасштабных социально-политических катаклизмов.

Так, известно, что в Советском Союзе был декларирован патриотизм совершенно особого рода, прочно привязанный к существовавшему государственному строю – то есть *советский патриотизм* (ни в коем случае не принимаем кощунственных по сути своей попыток осквернения священного героизма участников Великой Отечественной войны и иных эпохальных свершений наших сограждан). Об этом можно судить по некоторым лексикографическим данным. См., например, следующие словарные дефиниции и иллюстрации: «*патриотизм* – любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу». «Патриотизм – одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств». Ленин, «Ценные признания Питирима Сорокина». «Мы должны воспитывать всех трудящихся СССР в духе пламенного патриотизма, в духе безграничной любви к своей Родине». М. Калинин, «О коммунистическом воспитании» [МАС₂, т. III, 1983, с. 33] – ср.: «*советский* – такой, который относится к государственной власти Советов; такой, который относится к СССР, принадлежит СССР; такой, который изготавливается, производится и т.п. в Советском Союзе»; здесь среди прочих компонентов словосочетаний с прилагательным *советский* естественно упомянут и *патриотизм* [Словарь сочетаемости..., 1983, с. 528]. Правда, в Стране Советов поощрялись не все разновидности патриотизма: «*квасной патриотизм* – огульное восхваление всего своего, даже отсталых форм жизни и быта и порицание всего чужого» [МАС₂, т. II, 1982, с. 44].

Однако в перестроечно-реформаторский период была развернута грандиозная подрывная пропагандистская кампания, в ходе которой, наряду с другими, само понятие «патриотизм» (и уже не только *советский*) стало мишенью ожесточенной критики в СМИ, тиражировавших речи политиков, политиканов, представителей так называемой «творческой интеллигенции» и прочих корыстолюбивых патологических говорунов, многие из которых, в отличие от абсолютного большинства этнических русских, имеют про запас то, что они сами именуют «исторической родиной», да к тому же, как один «телеакадемик», – двойное и тройное гражданство. При этом всячески поощрялся космополитизм (видимо, как одна из смутных «общечеловеческих ценностей» – см. [Васильев, 2013, с. 187–201]).

Вполне закономерно, что доминирующие тенденции массового словоупотребления – или же то, что за них принималось на основе выборок материала из периодических изданий, – получили отражение в лексикографии. Так, в одном из известных словарей гнездо существительного *патриот* было представлено группой слов, окрашенных пейоративной коннотацией, либо же (согласно мнению составителей) долженствующих по природе своей быть только инвективными: *национал-патриот, национал-патриотизм, национал-патриотический, патриотический, псевдопатриот, псевдопатриотизм, ультрапатриот, ультрапатриотический, ура-патриот, ура-патриотический*. Значение же самого слова *патриот*, снабженного очевидно ограничительной пометой *полит.*, толкуется лишь через его якобы абсолютный синоним: «национал-патриот», а *национал-патриотизм*, в свою очередь, – «*полит. неодобр.* ‘идейно-политическое движение конца 80–90-х гг., выступающее за сохранение национальных исторических культурных ценностей и традиций России на почве крайнего национализма’» [ТССРЯ, 2001, с. 498–499].

Нередко подобным нравственным метаморфозам подвержены и отдельные известные речедеятели, которые, как шутили в советские времена, «колеблются вместе с генеральной линией партии».

Например, кинобизнесмен Н. Михалков во времена правления ельцинской Семьи и семибанкирщины публично – в телевыступлениях – поучал аудиторию афоризмом: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя» и находил явную ущербность в самом этнониме *русский*, поскольку «да *русский* вообще – это имя прилагательное!» (Зеркало, РТР, 21.02.99) (между прочим, как заметил по поводу аналогичного заявления одного литератора академик О.Н. Трубачев, «имей он чуть больше знаний, <…>, то согласился бы, что дело обстоит иначе. Названия (самоназвания) наций, народов вообще, как правило, адъективны: все эти *Español, Italiano, Français, Deutsch, American, Magyar, Suomalainen* – прилагательные; <…>они типологически однородны с нашим самоназванием» [Трубачёв, 1997, с. 266]).

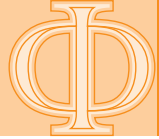
Однако с приходом нового (правлящего и сегодня) российского руководства, особенно в последние годы, когда официальная пропаганда, вслед за действующим президентом, стала все чаще вспоминать о каких-то «традиционных ценностях», а в числе их – конечно же, и о патриотизме, когда куда бóльшую актуальность обрели суждения вроде: «Если патриотизм – последнее прибежище него-

дя, то антипатриотизм – его первое прибежище» [Поляков, 2007, с. 121], направленность высказываний Н. Михалкова радикальным образом изменилась. Теперь уже именно он в личине «бесогона» отважно отстаивает те самые «традиционные ценности», утверждение которых (хотя бы на словах) активно поощряется властями предрержащими. Наверное, можно допустить чудесные озарения, волшебные прозрения и проч., но главная причина подобных метаморфоз, по-видимому, вполне материальна (при желании в подобных случаях есть вероятность усмотреть некую любопытную преемственность; скажем, когда известный стихотворец сначала сочиняет текст советского государственного гимна, а несколько десятилетий спустя столь же вдохновенно и чистосердечно слагает строки гимна для государства уж совсем не советского) (разбивка здесь и далее наша. – А.В.).

Впрочем, магические самопревращения творческих личностей совершаются не только на отечественной почве; так, немецкий поэт Х. Бауман, в 1933 г. опубликовавший нацистский марш «Завтра будем маршировать мы!» («Сегодня нам принадлежит Германия, / А завтра – весь мир!»), который в Третьем рейхе был сделан чрезвычайно популярным, после 1945 г. стал детским писателем (см. [Душенко, 2006, с. 38]).

Довольно популярна фраза М. Булгакова: «О, как труден путь певца под постоянным наблюдением грозной власти!» [Булгаков, 1990], поскольку ее неоднократно использовали при поношении так называемого «советского тоталитаризма», «цензурного гнета» и прочих нехороших явлений, прочно сковывавших пресловутую «свободу творчества». Гораздо реже вспоминают почему-то другие фразы из того же булгаковского текста: «... Актеры до страсти любят вообще всякую власть. Да им и нельзя ее не любить! Лишь при сильной, прочной и денежной власти возможно процветание театрального искусства. <...> Это и так ясно» [Булгаков, 1990, с. 265] (кстати, нельзя не заметить, что при воцарении упомянутой свободы почему-то шедевров в искусстве – точнее, в шоу-бизнесе – появилось, мягко говоря, немного, и это при стабильном госбюджетном финансировании театра, кинематографа и проч.).

Конечно, в официальной риторике многое изменилось: по крайней мере, с 1994 г. с подачи Е. Боннер настойчиво материализуются фантомные «россияне» (подробнее см. [Васильев, 2003, с. 202–204; Васильев, 2013, с. 404–415]); усиленно конструируются «российский народ» и даже «российская нация» (ср.: «Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную *российскую нацию* при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну» – так выразился президент Д. Медведев, выступая в феврале 2011 г. на заседании президиума Госсовета, посвященном укреплению межнационального согласия в России (Memoid.ru)). Памятно ведь, что уже был прецедент создания «новой исторической общности людей – советского народа», и хорошо известно, чем этот эксперимент закончился... Тем не менее сегодня изобретают «общероссийский патриотизм» – фантом, адекватный мифической «российской нации». Сей вербальный артефакт официально является, вероятно, продуктом мышления государственного деятеля, какое-то время бывшего председателем правительства РФ. Высту-

пая на заседании Госсовета и Совета по нацпроектам (последние действительно были декларированы и даже, кажется, полномасштабно профинансированы из госбюджета!) 27 декабря 2010 г., В.В. Путин говорил, в частности: «Мы все родом из Советского Союза. Но в Советском Союзе не было таких проблем с межнациональными отношениями. Советской власти удалось создать обстановку межнационального и межконфессионального мира <...>. Советской власти удалось создать некую субстанцию, которая оказалась над межнациональными отношениями, но [!] носила идеологический характер. Даже придумали общность людей – советский народ <...>. Мы говорим про российский народ, но это пока [!] не то <...>. Мы не смогли найти эквивалента того, что было в Советском Союзе изобретено. Есть только одно, что может заменить то, что было в Советском Союзе. Это общероссийский патриотизм <...>. Нужно, чтобы каждый человек гордился своей страной и понимал, что от успеха всей страны зависит успех каждого и наоборот» (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=417067&cid=5>).

Остается лишь добавить, что никакой народ не может возникнуть исторически моментально, по чьей-то персональной команде, даже если это указ президента: нации складываются, кристаллизуются в течение долгого времени. И коль скоро так называемого «российского народа» в реальности не существует, то и «общероссийский патриотизм» – совершенно искусственный мифоген.

* * *

Вынесенные в эпиграф данной статьи стихи были написаны двадцатилетним И.А. Буниным. Еще ранее он начинает свои знаменитые впоследствии «Дневники» (первая запись датирована 1881 г., далее цит. по: [Бунин, 1988, с. 309–540]). Важно отметить суждение уже зрелого мемуариста (1916): «...Дневник – одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие» [Бунин, 1988, с. 359].

Цитируемому здесь и далее шеститомному изданию предпослана статья А.Т. Твардовского «О Бунине», опубликованная ранее, еще в 1965 г., в совершенно иной социально-политической обстановке в СССР, еще не подточенной «перестройкой». Вряд ли абсолютно уверенно сегодня возможно определить степень тогдашней искренности создателя Василия Теркина, но что написано пером...

Инвективы советского поэта (иногда в меру фрондерствовавшего) по адресу автора предельно, до натурализма откровенной, во многом провидческой «Деревни», творца «Жизни Арсеньева» и других мастерских текстов, конечно же, вполне гармонируют с тогдашним официальным отношением к творчеству Бунина не только эмигрантского периода, но в первую очередь к «Окаянным дням», «где язык искусства, взыскательный реализм, правдивость и достоинство литературного изъяснения просто покидают художника, оставляя в нем лишь иссушающую злобу “его превосходительства, почетного члена императорской Академии наук”, застигнутого бурями революции и терпящего от них порядочные бытовые неудобства и лишения...» [Твардовский, 1988, с. 26]. Почему, собственно, И.А. Бунин, как и многие подобные ему, непременно должен был бы радостно встретить революцию – совершенно непонятно.

Да и не одни лишь «бытовые неудобства и лишения» были крайне неприятны Бунину. Даже в очевидно купированном тексте «Дневников» легко обнаружить эпизоды, наглядно объясняющие отношение писателя ко многим современным ему российским событиям.

Например: «[11 июня 17 г.] Чувство страшного возмущения. Никаких законов – и все власть, все, за исключением, конечно, нас. Волю “свободной” России почему-то выражают только солдаты, мужики, рабочие. Почему, напр., нет совета дворянских, интеллигентских, обывательских депутатов?» [Бунин, 1988, 6, с. 366]. – «[2 августа 1917 г.] Разговор, начатый мною, опять о русском народе. Какой ужас! В такое небывалое время не выделил из себя никого, управляется Гоцами, Данами, каким-то Авксентьевым, каким-то Керенским и т.д.!» [Бунин, 1988, с. 370]. – «[4 ноября 1917 г.] Сильно плакал. Восемь месяцев страха, рабства, унижений, оскорблений!» [Бунин, 1988, с. 399]. – «[Ночь на 24 апреля 1919 г.] ... В тысячетлетнем и огромном доме нашем случилась великая смерть, и дом был теперь растворен, раскрыт настежь и полон несметной праздничной толпой, для которой уже не стало ничего святого и запретного ни в каком из его покоев» [Бунин, 1988, с. 417] – и многие другие подобные суждения высказывает мемуарист. Понятно, что ему приходилось (как и впоследствии в эмиграции) переносить суровые «бытовые неудобства и лишения», вплоть до голода, – но ведь они очевидно сопрягались с муками нравственными, происходившими от ясного осознания своей униженности, оскорбленности – и острого ощущения собственного бесправия, от чего вряд ли может легко избавить даже самый утонченный комфорт.

* * *

И.А. Бунин в «Дневниках» очень скупно выражает свое отношение к Родине; здесь нет широковещательных душевных излияний, и чуть ли не единственный пример откровенного высказывания: «[26 июля 1891 г.] Церковь Спаса-на-Бору. Как хорошо: Спас на бору! Вот это и подобные русское меня волнует, восхищает древностью, моим кровным родством с ним» [Бунин, 1988, с. 314], – впрочем, высказывания, обращенного более к прошлому, нежели к настоящему. Последнее обычно находит отклик в беллетризованных зарисовках вроде: «[3 июня 1893 г.] Приехал верхом с поля, весь пронизанный сыростью прекрасного вечера после дождя, свежестью зеленых мокрых ржей. Дороги чернели грязью между ржами. Ржи уже высокие, выколосились. В колеях блестела вода. Впереди передо мной, на востоке, неподвижно стояла над горизонтом гряда румяных облаков. На западе – синие-синие тучи, горами. Солнце зашло в продольную тучку под ними – и золотые столпы уперлись в них, а края их зажглись ярким кованым золотом. На юге глубина неба безмятежно ясна. Жаворонки. И все так привольно, зелено кругом» [Бунин, 1988, с. 314–315] и под.

Такие пейзажные зарисовки нередки и в дневниках писателя периода эмиграции. В некоторых случаях присутствуют прямые ассоциации с картинами русской природы, например: «[15 сентября н. ст. 1921 г.] Нынче в 3 уезжаем из Висбадена. – А какая погода! Дрозды в лесу, в тишине – как в России» [Бунин, 1988, 6, с. 435]. –

«[31 октября 1931 г.]... Вспомнил вечер нынешней весной, похожий на русский, когда возвращались с Фондаминскими из С.-Валье...» [Бунин, 1988, с. 446]. – «[3 октября 1932 г.] В городе ярмарка St. Michel, слышно, как режут коровы. И вдруг страшное чувство России, тоже ярмарка, рев, народ – и такая безвыходность жизни! Отчего чувствовал это с такой особенной силой в России? Ни на что не похожая страна» [Бунин, 1988, с. 446]. – «[13 октября 1933 г.] Едем в Cannes. Хороший день, что-то под одесское осеннее. Море похоже на Черное» [Бунин, 1988, с. 449]. – «[14 декабря 1941 г.] Прекрасный день, солнечный и теплый – как в России в начале сентября» [Бунин, 1988, с. 509] и под.

Во многих эпизодах выражается вполне естественная ностальгия: «[6 мая 1921 г.] Нынче прелестный день, теплый – весна, волнующая, умиляющая радостью и печалью. И эти пасхальные напевы при погребении. Все вспоминалась молодость. Все как будто хоронил я – всю прежнюю жизнь, Россию...» [Бунин, 1988, с. 433]. Хотя – гораздо позднее: «[20 января 1944 г.] Просмотрел свои заметки о прежней России. Все думаю, если бы дожить, попасть в Россию! А зачем? Старость уцелевших <...>, кладбище всего, чем жил когда-то...» [Бунин, 1988, с. 525, 532].

Значительное место в «Дневниках», по крайней мере с начала 1920-х гг., занимают мысли автора о его близкой кончине, записи (иногда довольно подробные) о состоянии своего здоровья и т.п.

Однако более интересными в избранном нами аспекте исследования представляются дневниковые фрагменты периода Великой Отечественной войны (конечно же, сам Бунин ни разу не использует столь «советское» наименование).

* * *

Упоминания о событиях, вызванных гитлеровским (а точнее, понятно, – почти всеевропейским) нападением на СССР, в «Дневниках» довольно многочисленны: их более восьмидесяти. Среди них велик удельный вес беспристрастно хроникальных регистраций фактов, вроде: «[14 июля 1941 г.] Немцы говорят, что уже совсем разгромили врага, что *взятие Киева – вопрос нескольких часов*» (курсив И.А. Бунина. – *А.В.*). Идут и на Петербург» [Бунин, 1988, с. 498] – напомним по поводу последнего топонима – это наблюдается и в других случаях, – что писатель совершенно отвергал советские переименования. – «[19 сентября 1941 г.] Во время обеда радио: *взята Полтава. В 9 часов: взят Киев*» (курсив И.А. Бунина. – *А.В.*). – «[31 декабря 1941 г.] Русские взяли Керчь и Феодосию» [Бунин, 1988, с. 514]. – «[6 ноября 1943 г.] Взят Киев» [Бунин, 1988, с. 530]. – «[3 января 1944 г.] Вчера взяты Новгород, Волынь и Олевск» [Бунин, 1988, с. 531]. – «[20 января 1944 г.] Взят Новгород» [Бунин, 1988, с. 532]. – «[28 января 1944 г.] Взяли Любань» [Бунин, 1988, с. 532] и т.д.

Конечно, явно более информативны те записи, в которых И.А. Бунин высказывает свое личное отношение к происходящему эксплицированно, зачастую – эмоционально окрашенно, и вовсе не с помощью лишь курсива. Такие примеры не единичны.

Предварительно следует заметить, что бойцы Красной Армии и вся она в целом ни разу не удостоились в «Дневниках» квалификации «наши»: этим высокозначимым определением снабжены Франция и французы, причем не только военнослужащие: «[1 июня 1940 г.] Бегство (“героическое”!) французов и англичан из Dunquerque продолжается». – «[8 июня 1940 г.] Страшные, решительные дни – идут на Париж, с каждым днем продвигаются». – «[9 июня 1940 г.] Мы все отступаем» [Бунин, 1988, с. 463]. – «[23 июня 1940 г.] И в Париже все поражены, не понимают, как могло это случиться (это чудовищное поражение Франции)» [Бунин, 1988, с. 464]; ср.: «[25 августа 1944 г.]... Нынче опять ходил в город. Толпа, везде пьют (уже все, что угодно), пляски, музыка – видел в “Эстерели” нечто отчаянное – наши девчонки с американскими солдатами (все больше летчики)» [Бунин, 1988, с. 536].

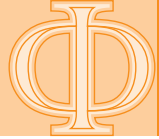
Кроме того, И.А. Бунин, очевидно находясь под глубоким впечатлением от молниеносной победы Германии над Францией, пытался первоначально вести что-то вроде хронометража военных перипетий на советской территории, например: «[22 августа 1941 г.] Война в России длится уже 62-й день» [Бунин, 1988, с. 501] (ведь Франция пала гораздо быстрее). – «[5 сентября 1941 г.] Нынче 76-й день войны в России» [Бунин, 1988, с. 502]. – «[19 октября 1941 г.] Пошел пятый месяц войны» [Бунин, 1988, с. 505]; однако в дальнейших записях автор уже не упоминает о продолжительности войны.

Мемуарист в должной степени критично воспринимает сообщения средств массовой информации – видимо, потому, что французские издания всецело под влиянием немцев-победителей («[6 сентября 1940 г.] И изо дня в день, самыми последними словами, поносят в газетах и по радио сами себя французы – эту прежнюю, вчерашнюю Францию» [Бунин, 1988, с. 474]. – «[5 сентября 1941 г.] В газетах холопство, брехня, жульничество». – «[7 сентября 1941 г.] Бесстыжая брехня газет и радио – все то же! Утешают свой народ» [Бунин, 1988, с. 502]), а советские источники для писателя – прежде всего именно «советские» (то есть вкупе со всеми сугубо негативными коннотациями).

Тем не менее Бунин записывает: «[12 августа 1941 г.] Вести с русских фронтов продолжаю вырезывать и собирать» [Бунин, 1988, с. 500] – и пытается слушать московское радио.

В самом начале войны писатель отмечает: «[23 июня 1941 г.] В газетах новость пока одна, заявление наступающих на Россию: это “la guerre sainte pour preserver la civilisation mondiale du danger mortel du bolchevisme” (фр.: святая война во имя спасения мировой цивилизации от смертельной угрозы большевизма)» [Бунин, 1988, с. 493] – и едко комментирует далее: «[12 августа 1941 г.] ‘Politique Vulgare. Mot d’ordre: lutter contre le bolchevisme!’ (фр.: Политика Болгарии. Лозунг: бороться против большевизма!). Страна за страной отличается в лживости, холопстве. Двадцать четыре года не “боролись” – наконец-то продрали глаза» [Бунин, 1988, с. 500].

О начале нашествия Наполеона и иже с ним («двунадесяти языков») на Россию у Л.Н. Толстого есть замечательно, по-эпически краткая фраза: «12 июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война» [Толстой, 1980, с. 7].

И.А. Бунин сообщает: «[30 июня 1941 г.] Итак, пошли на войну с Россией: немцы, финны, итальянцы, словаки, венгры, албанцы(!) и румыны» [Бунин, 1988, с. 494]. Перечень этот недолго оставался исчерпывающим: под сенью якобы всеобъясняющего лозунга «это священная война против коммунизма» [Там же] объединяется вся «цивилизованная Европа» («[28 августа 1941 г.]... Ранен Лаваль (на записи волонтеров французов, идущих воевать с немцами на Россию» [Бунин, 1988, с. 501]; были ведь такие добровольцы и из других стран, скоропостижно покорившихся Гитлеру, но не способных отказать себе в давно лелеемом удовольствии хоть как-то навредить «русским варварам», и, безусловно, это было нападение вовсе не на злокозненный коммунизм как таковой.

Еще одно важное обстоятельство, не оставленное без внимания мемуаристом: «[19 июля 1941 г.] ...В газетах о том, как бешено, свирепо бьются русские» [Бунин, 1988, с. 497]. – «[24 августа 1941 г.] С неделю тому назад немцы объясняли невероятно ожесточенное сопротивление русских тем, что эта война не то что во Франции, в Бельгии и так далее, где имелось дело с людьми, имеющими “L`intelligence” (фр. ‘ум, разум, способность мышления, умственное развитие’), – что в России война идет с дикарями, не дорожащими жизнью, бесчувственными к смерти» [Бунин, 1988, с. 501]. Можно лишь предполагать, что Бунин, несмотря на известные оценки им основной массы русского народа, данные как в дореволюционные времена, так и – особенно – в период революционных потрясений (ср.: «[23 мая 1916 г.] Пьяный мужик шел и кричал <...>. В этом вся Русь. Жажда саморазорения» [Бунин, 1988, с. 364] – и: «[26 августа 1917 г.] Нынче читаю о Владимирско-Суздальском царстве <...>. Леса, болота, мерзкий климат – и, вероятно, дикий и вульгарно-злой народ» [Бунин, 1988, с. 377]. – «[3 октября 1917 г.] ...Нет никого материальней нашего народа <...>. Злой народ!» [Бунин, 1988, с. 384]. – «[13 октября 1917 г.] ...Русский народ взывает к богу только в горе великом. Сейчас счастлив – где эта религиозность!» [Бунин, 1988, с. 390]. («[15 октября] В головах дичь, тьма, ужас вообще! В “Совете Российской республики” говорят больше всего “евреи”» [Бунин, 1988, с. 392]), все же, вероятно, не вполне был согласен с просвещенными европейскими суждениями о врожденном и неисправимом «дикарстве русских». См., например: «[28 августа 1941 г.] Был André Gide (известный французский писатель. – А.В.). Очень приятное впечатление. Тонко, умен – и вдруг: Tolstoy – asiatique» [Бунин, 1988, 6, с. 501]; понятно, что для Бунина (глубоко почитавшего и постоянно уже даже в преклонном возрасте перечитывавшего Л.Н. Толстого, с особенным восторгом – «Войну и мир») такое замечание француза могло представиться попросту оскорбительным. Ср. позднейшую запись: «[12 февраля 1945 г.] Все перечитываю Пушкина. Всю мою долгую жизнь, с отрочества не могу примириться с его дикой гибелью! Лет 15 тому назад я обедал у какой-то герцогини в Париже, на обеде был Henri de Renier <...>... Он мне сказал, что Дантес приходится ему каким-то дальним родственником – и: “que voulez – vouz? (фр. ‘что вы хотите?’) Дантес защищал свою жизнь!” Мог бы и не говорить мне этого» [Бунин, 1988, с. 538]; можно лишь догадываться, какой

эмоциональный отклик вызвало это замечание, исполненное хладнокровной уверенности в правоте «убийцы с пустым сердцем» (М.Ю. Лермонтов), у русского автора. Ведь И.А. Бунин с детских лет буквально «обожал», по его собственному выражению, Пушкина: «Когда он вошел в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил ее небо, воздух, солнце, родных, близких? Ведь он со мной – и так *особенно* – с самого начала моей жизни» [Бунин, 1988, с. 620–621].

* * *

Первая запись о войне в «Дневниках»: «[22 июня 1941 г.] С новой страницы пишу продолжение этого дня – великое событие – *Германия нынче утром объявила войну России*» (курсив И.А. Бунина. – *А.В.*) – и финны и румыны уже “вторглись” в “пределы” ее <...>. Взволнованы мы ужасно! <...> Да, теперь действительно так: или пан, или пропал» [Бунин, 1988, с. 493].

Приведем далее некоторые фрагменты «Дневников», в которых личное отношение писателя к военным событиям отражается более или менее эксплицированно: «[13 июля 1941 г.] *Взят Витебск* (курсив И.А. Бунина. – *А.В.*). – Больно!». – «[24 июля 1941 г.] Газеты, радио – все брехня. Одно ясно – пока ‘не так склалось, як ждалось’» (по-видимому, имеется в виду неудача гитлеровского блицкрига). – «[7 августа 1941 г.] Немецкая большая сводка: чудовищные потери русских людьми и военным материалом. «Полная победа “немцев”». – «[10 августа 1941 г.] По немецким сообщениям положение русских без меры ужасно». – «[5 сентября 1941 г.] Контрнаступление русских. У немцев дела неважные». – «[14 сентября 1941 г.] <...> На фронтах все то же – бесполезное [!] дьявольское кровопролитие». По поводу истоков оценки «кровопролития» как «дьявольского» допустимо высказать разные предположения. Может быть, Бунин имел в виду чрезвычайно тяжелые потери советских войск в живой силе, явившиеся очевидным следствием бездарного командования, склонного заваливать трупами советских воинов собственные просчеты? Но вряд ли писателю было известно то, о чем открыто стали говорить лишь недавно. Или же таким образом подразумевалась не упущенная еще Советами возможность сдаться на «милость» победителя (как рационально поступили цивилизованные европейцы)? По всей вероятности, недвусмысленный ответ на эти вопросы мог бы дать лишь сам автор.

Но см. запись, сделанную всего несколько дней спустя: «[19 сентября 1941 г.] <...> Во время обеда радио: *взята Полтава*. В 9 часов: *взят Киев* (в обоих случаях – курсив И.А. Бунина. – *А.В.*) <...> Взято то, взято другое... Но – *quoі bon?* Что дальше? Россия будет завоевана? Это довольно трудно себе представить!» [Бунин, 1988, с. 502–503].

Далее: «[9 октября 1941 г.] <...> Полчаса тому назад пришел Зуров – радио в 9 часов: *взят Орел* (сообщили сами русские). “Дело очень серьезно”» [Бунин, 1988, с. 504] – «[11 октября 1941 г.] Самые страшные для России дни, идут страшные бои – немцы бросили, кажется, все, все свои силы. “Ничего, вот-вот русские перейдут в наступление – и тогда...” Но ведь тоже самое говорили, думали и чув-

ствовали и в прошлом году в мае, когда немцы двинулись на Францию. “Ожесточенные бои... положение серьезно, но не катастрофично...” – все это говорили и тогда» [Бунин, 1988, с. 504–505]. Совершенно очевидно, что писателя по-прежнему преследуют тяжелые воспоминания об участии «цивилизованной» страны, имевшей мощную армию, по численности и техническому оснащению значительно превосходившую немецкую, но благоразумно капитулировавшую перед Гитлером всего через полтора месяца после начала военных действий.

Однако «русские варвары» предпочли радикально иной образ поведения: «[5 декабря 1941 г.] <...> Русские бьют немцев на юге» [Бунин, 1988, 6, с. 508]. – «[8 декабря 1941 г.] <...> В России 35 градусов мороза (по Ц.). Русские атакуют и здорово бьют» [Бунин, 1988, с. 508]. – «[13 декабря 1941 г.] <...> Русские взяли назад Ефремов, Ливны и еще кое-что. В Ефремове были немцы! Непостижимо! И какой теперь этот Ефремов, где был дом брата Евгения, где похоронен и он, и Настя, и *наша мать!*» [Бунин, 1988, с. 509] (это высказывание, очевидно вызванное чувством так называемой «малой родины», довольно отчетливо напоминает косвенный ответ князя Андрея Болконского на реплику немецкого офицера, считавшего целесообразным перенести плацдарм «im Raum» (нем. ‘в пространство’), то есть в глубь чуждой иноземцу России: «Да, im Raum verlegen... Im Raum-то у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых Горах. Ему это все равно...» [Толстой, 1980, с. 217]). – «[15 декабря 1941 г.] Русские бьют» [Бунин, 1988, с. 509] и др.

В 1942 г.: «[4 марта 1942 г.] Битвы в России. Что-то будет? Это главное, главное – судьба всего мира зависит от этого». «[13 марта 1942 г.] Большие битвы, наступление русских» [Бунин, 1988, с. 514]. – «[3 июня 1942 г.] Май был необыкновенный – совершенно чудовищные бои из-за Керчи и вокруг Харькова. Сейчас затишье – немцы, кажется, потерпели нечто небывалое» [Бунин, 1988, с. 517]. – «[11 июля 1942 г.] <...> В одиннадцать радио: *Севастополь взят*. Дорого, верно, достался!» [Бунин, 1988, с. 518]. – «[18 июля 1942 г.] <...> Немцы в России все идут вперед <...>. 11 часов вечера, радио: “Положение Тимошенко катастрофическое”. Что-то должно быть вот-вот новое, огромное. Все еще не верится, что все пропало». – «[10 августа 1942 г.] <...> В России ужасно, – кажется, правда гибель нынче: взят Пятигорск». – «[7 сентября 1942 г.] <...> Взят Новороссийск. И все-таки [!] думаю: вот-вот будет большое и плохое для немцев» [Бунин, 1988, с. 519]. – «[16 сентября 1942 г.] <...> Немцы к Царицыну все “продвигаются”, и все атаки русских неизменно “отбиты”. День и ночь идут уже с полмесяца чудовищные бои – и, конечно, чудовищные потери у немцев. К концу войны в Германии останутся только мальчишки и старики <...>. Но какая сказочная сила – пока» [Бунин, 1988, с. 520]. – «[23 сентября 1942 г.] <...> и с Царицыном, и с Кавказом немцы все-таки жестоко нарвались. Последние дни им просто нечего сказать: “берем дом за домом”... Перебили их русские, конечно, в ужасающем количестве». – «[14 октября 1942 г.] <...> Дела немецкие неважны. 76-й день берут Царицын» – «[23 октября 1942 г.] <...> Нынче радио о Царицыне: “все атаки

большевиков отбиты». Скоро 3 месяца, как берут его!» – «[27 октября 1942 г.] Царицын все еще держится» [Бунин, 1988, с. 521–522].

В 1943 г.: «[1 февраля 1943 г.] <...> Паулис, произведенный вчера Хитлером в маршалы, сдался в Царицыне, с ним еще 17 генералов. Царицын почти полностью свободен. Погибло в нем будто бы тысяч 300». – «[2 февраля 1943 г.] Сдались последние. Царицын свободен вполне». – «[8 февраля 1943 г.] Взяли русские Курск, идут на Белгород. Не сорвутся ли?» [Бунин, 1988, с. 524]. – «[25 сентября 1943 г.] <...> Русские берут город за городом. Нынче – *Рославль* и *Смоленск*» [Бунин, 1988, с. 528]. – «[29 октября 1943 г.] <...> Взяты за эти дни *Екатеринослав*, *Лоуманская Камена* (когда-то я там был перед проходом по порогам). Теперь это, верно, город, гнусно называемый “*Днепродзержинск*”» [Бунин, 1988, с. 529].

В 1944 г.: «[3 января 1944 г.] <...> Вчера взяты Новгород, Волынь и Олевск. Вот-вот будут страшные дни!» (по-видимому, для Германии? – *А.В.*) [Бунин, 1988, с. 531]. – «[19 января 1944 г.] Взяты Красное Село, Петергоф, Ропша, большая добыча. Убито тысяч 20». – «[8 февраля 1944 г.] Взят *Никополь* и огромное количество военного материала, взято пленными тысячи 2, убито тысяч 15» [Бунин, 1988, с. 532–533]. – «[21 июня 1944 г.] Взят *Выборг*. 3 года тому назад, в ночь с 21 на 22, Гитлер, как он любил выражаться, “упал как молния в ночи” на Россию. Ах, не следовало!» – «[26 июня 1944 г.] Началось русское наступление». – «[27 июня 1944 г.] Взяты *Витебск* и *Жлобин* <...>. Взята *Одесса*. Радуюсь. Как все перевернулось!» (последние две фразы чрезвычайно значительны, если учесть, что Бунины, бежав в Одессу от большевиков, под защиту французов прежде всего, после довольно быстрого ухода «союзников» незамедлительно оказались в руках тех же большевиков – со всеми неизбежными последствиями, столь неприятными «осколкам старого режима». Из Одессы Бунины и отправились в эмиграцию. Можно лишь догадываться, какие противоречивые чувства испытывал писатель, отмечая почти совершенно неожиданную для самого себя «радость» и дисбаланс прежнего, устоявшегося за десятилетия мировосприятия – ведь Одесса-то и теперь оказалась взята «красными!»). – «[3 июля 1944 г.] <...> Взят *Минск*». – «[20 июля 1944 г.] <...> Русские идут, идут». – «[23 июля 1944 г.] Взят *Псков*. Освобождена уже *вся Россия!* Совершенно истинно гигантское дело!» [Бунин, 1988, с. 534–535].

В 1945 г.: «[24 марта 1945 г.] Полночь. Пишу под радио из Москвы – под “советский” гимн. Только что говорили Лондон и Америка о *нынешнем* дне как об историческом – “о последней битве с Германией, о громадном наступлении на нее, о переправе через Рейн, о решительном последнем шаге к победе. Помогите, Бог! Даже жутко!» [Бунин, 1988, с. 539] (любопытно, что здесь Бунин никоим образом не ссылается на московские новости – потому что они «советские»? В то же время довольно подробно цитирует западных «союзников» – по всей видимости, как «цивилизованные» источники информации, заслуживающие особого доверия. Кроме того, остается непонятным, кому именно писатель призыва-

ет на помощь вышние силы). – «[14 апреля 1945 г.] Взятие Вены» [Там же] (однако войска какой конкретно страны взяли австрийскую столицу, не упомянуто).

На этом эпизоде дневниковые записи, посвященные военным событиям 1941–1945 гг., прекращаются. Представляется довольно странным, что И.А. Бунин ни единым словом не обмолвился ни о штурме Берлина советской армией (может быть, как раз потому, что «советской?»), ни об окончательной победе над Германией (опять же, вероятно, из-за того, что это был результат, обеспеченный прежде всего Советским Союзом?). Но, естественно, здесь мы вступаем, как принято выражаться в таких случаях, «на зыбкую почву предположений», во все не позволяющих хоть как-то понять авторские интенции. Кроме того, можно учитывать резкое ухудшение состояния здоровья писателя, не давшее ему физической возможности активно продолжать «Дневники», – а ведь ему оставалось жить еще почти восемь лет в болезнях и старческой немощи.

Обратим внимание также на разновременные характеристики поведения некоторых русских эмигрантов во Франции (кстати, еще 2 июля 1941 г. Бунин высказывает довольно логичное предположение: «Верно, царству Сталина скоро конец» [Бунин, 1988, с. 496]). Ср.: «[13 июля 1941 г.] <...> Генерал Свечин говорил, что многие из Общевоинского Союза предложили себя на службу в оккупированные немцами места России. Народу – полно. Страстные аплодисменты при словах о гибели большевиков» [Бунин, 1988, с. 498]) – эта информация оставлена писателем без каких-либо комментариев; зато в дальнейшем, когда при очевидной перспективе исхода войны поменялись настроения многих представителей эмиграции, Бунин фиксирует явно чуждые ему феномены: «[1 декабря 1944 г.] <...> Русские все стали вдруг красней красного. У одних страх, у других холопство, у третьих – стадность. “Горе рака красит!”». – «[1 января 1945 г.] <...> “Патриоты”, “Amis de la patrie sovietique” (фр. “друзья советского отечества”)... (необыкновенно глупо: “Советское отечество”! Уж не говоря о том, что никто там ни с кем не советуется)» [Бунин, 1988, с. 538].

* * *

Все же для более глубокого понимания бунинских настроений, воплотившихся отчасти в «Дневниках» (не будем забывать о том, что их писал человек уже преклонного возраста, нобелевский лауреат, по существу, переживший вне России свою литературную славу и давно утративший исконный и привычный для него социальный статус, уставший от бремени нищеты и обстоятельств сложной личной жизни, да к тому же еще изнуренный болезнями), дополнительно следует обратиться хотя бы к некоторым фрагментам «Окаянных дней» (пусть даже и в «Дневниках» немало сказано о большевиках и их сторонниках), а также и некоторых других хронографических текстов И.А. Бунина.

Вот лишь некоторые выдержки из «Окаянных дней» (далее – [Бунин, 1990в, с. 170]): «[20 февраля 1918 г.] Множество мужиков, солдат в разных, в каких попало шинелях и с разным оружием <...>. Теперь хозяева всего этого, наследники этого колоссального наследства – они...» (с. 77). – «[24 февраля 1918 г.]

Везде грабеж!» (с. 80). – «[25 февраля 1918 г.] Опять какая-то манифестация, знамена, плакаты, музыка – и кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток: “Вставай, подымайся, рабочий народ!” Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские» (с. 81). – «[1 марта 1918 г.] <...> В полдень <...> запылал скотный двор соседа, и опять сбежались со всего села, и хотели меня бросить в огонь, крича, что это я поджег...» (с. 83). – «[10 марта 1918 г.] Как злобно, неохотно отворял нам дверь швейцар! Поголовно у всех лютое отвращение ко всякому труду» (с. 86). – «[12 апреля 1919 г.] ...Одна из самых отличительных черт революций – бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна» (с. 91; по-видимому, об этом размышлял не только Бунин; писатель, один из участников диалогов «На пиру богов», заявляет: «Обратите внимание, как изменился даже внешний вид солдата, – он стал каким-то звероподобным, страшным, особенно матрос. Признаюсь вам, что “товарищи” кажутся мне иногда существами, вообще лишенными духа и обладающими только низшими духовными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян – homo socialisticus» [Булгаков, 1991, с. 80]; ср. также: «...Положение, когда вокруг все время ходит идиотская преждевременная смерть, от того что хозяйничают человекоподобные и обижаются, если им что-нибудь не по ноздре» [Набоков, 1990, с. 269]). – «[16 апреля 1919 г.] Вчера перед сном гуляли. Тяжесть на душе несказанная. Толпа, наполняющая теперь улицы, невыносима физически, я устал от этой скотской толпы до изнеможения» (с. 93). – «[21 апреля 1919 г.] ...В сущности, всем нам давно пора повеситься, – так мы забиты, замордованы, лишены всех прав и законов, живем в таком подлом рабстве, среди непрестанных заушений, издевательств!» (с. 105). – «[22 апреля 1919 г.] <...> Всякая красная аристократия: матросы с огромными браунингами на поясе, карманные воры, уголовные злодеи и какие-то бритые щеголи во френчах, в развратнейших галифе, в франтовских сапогах непременно при шпорах, все с золотыми зубами и большими, темными, кокаиностическими глазами» (с. 107) и т.п. Свершения новой власти в области культурного строительства Бунину также были, мягко выражаясь, мало симпатичны. Лишь один пример: «Я видел Марсово Поле, на котором только что совершили, как некое традиционное жертвоприношение революции, комедию похорон будто бы павших за свободу героев. Что нужды, что это было, собственно, издевательство над мертвыми, что они были лишены честного христианского погребения, заколочены в гроба почему-то красные и противоестественно закопаны в самом центре города живых! Комедию проделали с полным легкомыслием и, оскорбив скромный прах никому не ведомых покойников высокопарным красноречием, из края в край изрыли и истоптали великолепную площадь, обезобразили ее буграми, натыкали на ней высоких голых шестов в длиннейших и узких черных тряпках и зачем-то огородили ее дощатыми заборами, на скорую руку сколоченными и мерзкими не менее шестов своей дикарской простотой» [Бунин, 1990в, с. 112].

Не принимал писатель большевицких топонимических экспериментов. В «Автобиографических заметках» он отзывался о них так: «“Художественный театр имени Горького”. Да что! Это капля в море. Вся Россия, переименованная в СССР, покорно согласилась на самые наглые и идиотские оскорбления русской исторической жизни: город Великого Петра дали Ленину, древний Нижний Новгород превратился в город Горький, древняя столица Тверского Удельного Княжества, Тверь, – в Калинин, в город какого-то ничтожнейшего типографского наборщика Калинина, а город Кенигсберг, город Канта, в Калининград...» [Бунин, 1990а, с. 176].

Столь же отрицательно резко И.А. Бунин оценивал и нововведенную русскую орфографию (хотя, строго говоря, реформированное правописание не являлось собственно изобретением большевиков, а лишь было внедрено ими в практику со всей революционной поспешностью – см. [Григорьева, 2004, с. 124–128]). Например: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевицкого правописания. Уж хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию» [Бунин, 1990в, с. 117]. – «...Я назвал орфографию, истинно “хамски” навязанную России большевиками, заборной. Но как же она не заборная, когда именно забор и в точном и в переносном смысле этого слова так долго служил ей? <...> ...Все-таки именно “невежда и хам” большевик приказал под страхом смертной казни употреблять только эту орфографию» [Бунин, 1990б, с. 380].

Таким образом, можно сказать, что И.А. Бунина ни в коей степени не восхищали ни революционные достижения, ни повседневные действия большевиков, ни успехи советской власти. Все это было ему глубоко чуждым и до омерзения отвратительным – и, если взглянуть на его реакцию сугубо объективно, основания для такого отношения у него, конечно же, были.

И.А. Бунин даже не пытался в угоду новой власти «перекрашиваться», приспособиться к ней, чтобы обеспечить себе и близким более или менее сносное существование. А ведь очень многие писатели и знакомые автобиографа в те смутные времена поступали именно так: беспринципность была возведена в статус некоего принципа. Вот один из ряда примеров: в апреле 1919 г. Бунин записывает: «Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: “За 100 тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...”» [Бунин, 1990в, с. 121]. Через несколько месяцев тот же начинающий литератор сообщает Бунину: «Дорогой учитель Иван Алексеевич, вот уже месяц, как я на фронте, на бронепоезде (“белом”. – *А.В.*) “Новороссия”. Каждый день мы в боях и под довольно сильным артиллерийским обстрелом <...>. Я на командной должности – оружейный начальник и команду башней. Я исполняю свой долг честно и довольно хладнокровно и счастлив, что ваши слова о том, что я не гожусь для войны – не оправдались. Работаю от всего сердца» (цит. по: [Бабореко, 1988, с. 694–695]). Затем (вероятно, опять же – по зову сердца) В.П. Катаев влился в ряды восторжествовавших

большевиков и впоследствии стал широко известным советским писателем (прежде всего – детским: «Волны Черного моря» и др.).

Собственно говоря, можно опять же заметить, что, по крайней мере, многое, творимое крестьянами после Февральской и особенно Октябрьской революций совместно с солдатами-дезертирами (которые в массе своей тоже являлись бывшими крестьянами), не должно было бы чрезвычайно удивлять И.А. Бунина как автора многих беллетристических текстов, где убедительно показана мужицкая психология и определяемое ею поведение. В первую очередь это, конечно, «Деревня», о которой ее создатель уже через многие годы говорил: «Думал о своей “Деревне”. Как верно там все! Надо написать предисловие: будущему историку – верь мне, я взял типическое» [Бунин, 1988, с. 387] – и: «А “Деревня” вещь все-таки необыкновенная. Но доступна только знающим Россию. А кто ее знает?» [Бунин, 1988, с. 403].

Однако, как видно из дневниковых записей, будто бы глубоко понятные Бунину «мужики» учинили много такого, чего и он от них никак не ожидал.

* * *

Некоторые выводы. В «Дневниках» И.А. Бунина иногда проявляется тоска по России (это обнаруживается прежде всего в найденных зарисовках, где зачастую погодные феномены зарубежья напоминали ему родную природу) и, конечно же, горестные воспоминания о прежнем мироустройстве (в первую очередь связанные с раздумьями о судьбах родственников и когда-то близких людей).

Однако ностальгические переживания вовсе не могут пересилить глубокого отвращения писателя ко всему «советскому», и, пусть иногда и предполагая весьма призрачную возможность возвращения на родину, на склоне лет (несомненно, после тяжелых раздумий) он от этой мысли окончательно отказался: родина эта была уже совершенно советской. Судя по некоторым признакам, после долгих лет эмиграции И.А. Бунин воспринимал как «свое» чудовищно позорное поражение Франции и пресмыкательство многих ее деятелей и обывателей перед оккупационными войсками – очевидно, что эффективность трудов массы местных коллаборационистов была гораздо более высокой, нежели полумифического «Сопrotивления», в послевоенные годы ставшего почти материализованной легендой.

Обратим внимание и на то, что автор в «Дневниках» последовательно именуется Ленинград – Петербургом, а советский топоним «Днепродзержинск» для него попросту «гнусен».

Точно так же воины, героически (и ведь эта оценка, собственно, присутствует в «Дневниках») защищавшие Советский Союз (а в бунинском видении – конечно, Россию), ни разу не названы в их совокупности ни Рабоче-Крестьянской Красной Армией, как она официально обозначалась в 1918–1946 гг., ни Красной Армией, ни советской: повсюду у Бунина фигурируют *русские*, за которых («бешеных», «свирепых», «ожесточенных», как, наверное, и положено *asiatique*) он испытывает некую своеобразную национальную гордость.

Потому-то в дневниковых записях военного периода у автора иногда прорываются высокие эмоции: от «ужасного волнения» при известии о нападении Германии на Россию; боли по поводу территориальных утрат и людских потерь; боязни, не повторит ли Россия незавидную судьбу цивилизованных европейских государств, – и уверенности в том, что Россия не может быть завоевана, между тем как от нее зависит будущность остального мира, – и до неожиданной для самого писателя радости по поводу успехов «русского наступления» и констатации освобождения земель России как «истинно гигантского дела».

Парадоксально, на первый взгляд, но и вполне по-своему закономерно, что в конце войны И.А. Бунин жестоко высмеивает собратьев-эмигрантов, ринувшихся в ряды «друзей советского отечества». Явно отказывая им в искренности, писатель прекрасно понимает: да, Россия победила (видимо, из-за скорой неизбежности этой победы автор ничего не сообщает ни о ней самой, ни о сопутствовавших обстоятельствах), но ведь «царство Сталина» продемонстрировало свою нерушимость – а этот непреложный факт уж совсем не радовал писателя.

Конечно, И.А. Бунин просто не способен был бы искренне разделить некогда хрестоматийную формулировку: «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной» [Гайдар, 1963, с. 191].

Но несоветскую Россию, хорошо зная не самые симпатичные ее стороны, Бунин все-таки любил, и это можно понять из многих его произведений, включая «Дневники». Очевидно, что для писателя была одной из основополагающих оппозиция *русский / советский* как модификация фундаментальных универсалий *свой / чужой, хороший / плохой*.

Библиографический список

1. Бабореко А.К. Комментарии // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1988. Т. 6. С. 625–718.
2. Булгаков М.А. Жизнь господина де Мольера // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1990. Т. 4. С. 225–398.
3. Булгаков С.Н. На пиру богов // Наше наследие. 1991. № 1.
4. Бунин И.А. Автобиографические заметки // Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990а. С. 172–205.
5. Бунин И.А. Дневники // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1988. Т. 6. С. 309–540.
6. Бунин И.А. Думая о Пушкине // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1988. Т. 6. С. 619–622.
7. Бунин И.А. О новой орфографии // Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990б. С. 380.
8. Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990в. С. 65–170.
9. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013. 660 с.
10. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. 224 с.
11. Гайдар А. Чук и Гек // Гайдар А.П. Избранные произведения: в 2 т. Л., 1963. Т. 2. С. 166–191.
12. Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004. 456 с.

13. Душенко К.Н. Словарь современных цитат. М., 2006. 832 с.
14. Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 131–302.
15. Поляков Ю. Слово за слово. М., 2007. 208 с.
16. Пушкин А.С. О народности в литературе // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1978. Т. VII. С. 28–29.
17. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1981–1984 (МАС₂).
18. Словарь сочетаемости слов русского языка. М., 1983. 688 с.
19. Твардовский А.Т. О Бунине // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1988. Т. 1. С. 5–42.
20. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Скляревской. СПб., 2001. 944 с. (ТССРЯ).
21. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 3 // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1980. Т. 6. 447 с.
22. Трубачёв О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. Изд. 2-е, доп. М., 1977. 284 с.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-5-1-01>

BUNIN'S VERBAL FORMS OF EXPRESSING PATRIOTISM IN HIS DIARY TEXTS

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Patriotism is one of the core values having the status of sacral for ethno-society. However, like many other fundamental moral categories, it can acquire various concrete incarnations under the influence of these or those ideological concepts and political settings. Consequently, it quite often happens that – in the light of axiological reference points dominating in the state – qualification of someone's views as patriotic or, on the contrary, as anti-patriotic is extremely subjective.

Historically recent invectives concerning some judgments expressed by the great Russian writer I.A. Bunin, who frankly and quite hostilely spoke about both the October revolution, and the Soviet power, are characteristic examples of assessments that accuse the writer of not being a patriot.

The purpose of the article is to give an objective identification of I.A. Bunin's real position as regards his attitude to the Fatherland.

In this connection the author of the article, taking into consideration rather well-known publications on the problem mentioned above, uses diary texts written by Bunin himself during the period of World War II. The content analysis of the sources used can be considered quite exhaustive.

As the result the author managed to make well-grounded conclusions about Bunin's undeniable and sincere love for his Homeland.

Genuine patriotism was expressed by the writer regarding not Soviet Russia but Russia of the previous epoch that he lovingly and carefully kept in his memory.

Key words: *axiological reference points, fundamental values, patriotism, I.A. Bunin, World War II, diary texts.*

Bibliograficheskij spisok

1. Baboreko A.K. Kommentarii // Bunin I.A. *Sobr. soch.:* v 6 t. M., 1988. T. 6. S. 625–718.
2. Bulgakov M.A. *Zhizn gospodina de Molyera* // Bulgakov M.A. *Sobr. soch.:* v 6 t. M., 1990. T. 4. S. 225–398.
3. Bulgakov S.N. *Na piru bogov* // *Nashe nasledie.* 1991. №1.
4. Bunin I.A. *Avtobiograficheskiye zametki* // Bunin I.A. *Okayannyye dni. Vospominaniya.* Stati. M., 1990a. S. 172–205.
5. Bunin I.A. *Dnevniki* // Bunin I.A. *Sobr. soch.:* v 6 t. M., 1988. T. 6. S. 309–540.
6. Bunin I.A. *Dumaya o Pushkine* // Bunin I.A. *Sobr. soch.:* v 6 t. M., 1988. T. 6. S. 619–622.
7. Bunin I.A. *O novoy orfografii* // Bunin I.A. *Okayannyye dni. Vospominaniya.* Stati. M., 1990b. S. 380.
8. Bunin I.A. *Okayannyye dni* // Bunin I.A. *Okayannyye dni. Vospominaniya.* Stati. M., 1990b. S. 65–170.
9. Vasilyev A.D. *Igry v slova. Manipulyativnyye operatsii v tekstakh SMI.* SPb., 2013. 660 s.
10. Vasilyev A.D. *Slovo v rossiyskom teleefire. Ocherki noveyshego slovoupotrebleniya.* M., 2003. 224 s.
11. Gaydar A. *Chuk i Gek* // Gaydar A.P. *Izbrannyye proizvedeniya:* v 2 t. L., 1963. T. 2. S. 166–191.
12. Grigoryeva T.M. *Tri veka russkoy orfografii (XVIII–XX vv.).* M., 2004. 456 s.

13. Dushenko K.N. Slovar sovremennykh tsitat. M., 2006. 832.
14. Nabokov V.V. Drugiye berega // Nabokov V.V. Sobr. soch.: v 4 t. M., 1990. T. 4. S. 131–302.
15. Polyakov Yu. Slovo za slovo. M., 2007. 208 s.
16. Pushkin A.S. O narodnosti v literature // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. L., 1978. T. VII. S. 28–29.
17. Slovar russkogo yazyka: v 4 t. / gl. red. A.P. Evgenyeva. M., 1981–1984. (MAC₂).
18. Slovar sochetayemosti slov russkogo yazyka. M., 1983. 688 s.
19. Tvardovskiy A.T. O Bunine // Bunin I.A. Sobr. soch.: v 6 t. M., 1988. T. 1. S. 5–42.
20. Tolkovyy slovar sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovyye izmeneniya kontsa XX stoletiya / pod red. G.N. Sklyarevskoy. SPb., 2001. 944 s.
21. Tolstoy L.N. Voyna i mir. T. 3 // Tolstoy L.N. Sobr. soch.: v 22 t. M., 1980. T. 6. 447 s.
22. Trubachev O.N. V poiskakh edinstva. Vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. Izd. 2-e. dop. M., 1977. 284 s.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – Doctor of Philology, professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafieva; e-mail: vasileva@kspu.ru